

18+

Ирина Бухарина

**СИНИХ РОЗ
НА СВЕТЕ
НЕ БЫВАЕТ**

Ирина Бухарина

Синих роз на свете не бывает

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=55851763

ISBN 9785005100825

Аннотация

Как себя вести, если прямо на тебя по пустому коридору бежит огромная белая крыса? Почему из всех номеров патриотического концерта студенческой агитбригады зрителям больше всего понравился пьяный поэт? Зачем научный руководитель фольклорной экспедиции каждый вечер пересчитывал своих студенток? Обо всем этом, а также о яркой любви и горьком расставании – в новом сборнике Ирины Бухариной «Синих роз на свете не бывает».

Содержание

Белая крыса	5
Патриотический концерт	16
Подушка	31
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Синих роз на свете не бывает

Ирина Бухарина

© Ирина Бухарина, 2020

ISBN 978-5-0051-0082-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Белая крыса

Когда мы только поступили на первый курс университета, нам сообщили, что в подвале нашего корпуса находится виварий. Виварий – это такой крысиный зоопарк, в котором в клетках содержится огромное количество крыс, необходимых для практических занятий студентов-биологов. Так нам объяснили старшие товарищи. Именно в этом корпусе до истфила располагался биологический факультет, где, очевидно, и проводились всевозможные эксперименты над крысами ради науки.

В общем, не знаю, что они там делали с этими крысами, и знать не хочу. Но само понимание того, что где-то внизу, в непосредственной близости с нами существуют, хоть и в клетках, целые полчища крыс, вызывало у меня и у многих моих поэтически настроенных филологинь не то что страх, но просто дикий ужас.

Для того, чтобы рассеять наши страхи, руководители факультета решили организовать специально для студентов-филологов небольшую экскурсию в виварий, дабы убедить нас в том, что крысы не такие уж страшные животные, что сидят они в прочных запертых клетках, и что лаборанты вивария совершенно спокойно берут хвостатых зверушек в руки и ничего ужасного в этом нет.

Трепеща от предстоящего зрелища, первокурсницы ист-

фила, парней там практически не было, если не считать пятерых, косящих от армии бедолаг тщедушного вида, медленно, чтоб не вспугнуть крысиную стаю, спускались в подвал.

Уже у тяжёлой железной двери мы почувствовали мерзкий запах, которому нет названия. Одна из девиц, вечно прогуливающая физкультуру по маминым справкам, субтильная и нервная Алла, прикрывая нос, заявила, что сейчас она упадёт в обморок.

Сопровождающий нас лаборант уверял, что это только сначала кажется, что запах неприятный, но когда привыкаешь, то это чувство проходит, а вообще крысы умные и красивые животные.

Когда дверь распахнули, и перед нами предстали ряды клеток, поставленные в несколько ярусов, с узкими проходами между рядами, в которых копошились, пищали, скакали на решётки, возились, в общем, кишмя кишели белые крысы, упасть в обморок захотели сразу полгруппы девиц.

Лаборант повёл нас по узкому проходу между клетками, и, казалось, крысы того гляди заденут нас своими длинными, голыми, какими-то ужасно неприятными хвостами, или тяпнут за руку острыми зубами, которых вообще-то было не видно, но они подразумевались под противными розовыми носами. Но самое ужасное состояло в том, что у всех этих белых крыс были совершенно красные вампирские глаза.

Короче, зрелище показалось нам кошмарным, не смотря на уверения лаборантов, что крысы – душки, пользы от них

науке много, а нам от них вреда никакого нет.

Тем не менее мы всегда с некоторой опаской проходили мимо двери в подвал и прислушивались, не топчет ли там за дверью, не пищит ли, вырвавшись на свободу, огромная крысиная стая.

Впрочем, через некоторое время впечатления, связанные с посещением вивария, стёрлись и подзабылись. Крысы сидели в своём подвале, как узники замка Иф без надежды на освобождение.

После занятий студенты, как это было принято, приводили в порядок аудитории, дежурили по очереди, возили тряпкой по полу, изображая уборку.

Как-то после четвёртой пары, когда на нашем втором этаже уже никого не было, кроме вечно стрекочущей на пишущей машинке секретарши декана, мы с моей подругой Ольгой домывали пол в угловой аудитории, которая находилась в самом конце коридора, недалеко от туалета.

Я понесла ведро с грязной водой выливать, а Ольга со шваброй осталась вытирать пол на входе в аудиторию. Когда я начала выливать воду, в коридоре раздался дикий визг. Ольга орала благим матом. Я, решив, что она поскользнулась на мокром полу и упала, бросилась к ней на помощь.

То, что я увидела, повергло меня в шок! Ольга со шваброй забилась в угол между коридором и дверью, выставив орудие уборки перед собой, а по черенку швабры медленно ползла здоровая белая крыса.

– Вера, спаси меня! Она за мной бежала, – кричала Ольга.

– Подожди, сейчас я сбегаю в деканат, может быть, кто-нибудь там есть.

Я рванула на стук пишущей машинки, вбежала в деканат и с порога закричала секретарше:

– Помогите! Там крыса на Ольгу напала!

Услышав слово крыса, секретарша, довольно полная дама, на мгновение замерла, потом вдруг, вскочила, чуть не свалив тяжеленную машинку, взвилась птицей и взлетела прямо с ногами на только что отпечатанные бумаги, лежащие на столе.

– Закрой дверь! Немедленно! – заверещала она, будто я хотела её укусить.

Поняв, что здесь помощи искать бесполезно, я снова побежала к Ольге. Она так же стояла в углу, распахнув от ужаса глаза, а крыса всё так же пыталась пролезть по черенку швабры как можно выше, но каждый раз тяжело шлёпалась на пол, а потом проворно вскакивала и с упорством Сизифа продолжала своё восхождение.

– Держись! – прокричала я Ольге, – сейчас я побегу к вахтёру на первый этаж.

– Не оставляй меня, я боюсь одна, – взмолилась Ольга, – лучше стукни её чем-нибудь, чтоб убежала.

– Чем я её стукну, ногой что ли? А вдруг она в меня вцепится, – забоялась я.

– А где ведро? Кинь в неё ведром, – придумала Ольга.

Я быстро вбежала в туалет, схватила ведро с остатками воды и, да простят меня зелёные защитники флоры и фауны, швырнула ведро вместе с водой в злосчастную крысу-вампиру. Ведро грохнуло, вода выплеснулась на полкоридора, крыса от неожиданности отлетела в сторону, и Ольга наконец-то вырвалась из своего плена.

Я схватила швабру и погнала белую громадину в сторону туалета. И только захлопнув за ней дверь, заперев её на шпингалет, мы вздохнули с облегчением и, отдышавшись, заглянули в деканат, где всё ещё сидела на столе перепуганная секретарша. Успокоив её, что крыса обезврежена, но заходить в туалет не рекомендуется, поскольку там теперь её тюрьма, мы, измученные и взмыленные, пошагали домой.

Назавтра весь факультет только и говорил о нападении крысы на одну из студенток. На двери туалета кто-то повесил объявление: Не входить! Крысы! Нас вызвали в деканат, где Ольга подробно рассказала, как она спокойно, никого не трогая, вытирала пол шваброй возле аудитории, как вдруг увидела бегущую прямо на неё крысу. Она хотела отогнать её от себя и стала тыкать в неё шваброй, но крыса не только не убежала, но полезла на швабру, будто пытаясь добраться до Ольги.

– Почему же вы не бросили швабру и не убежали? – спрашивали её.

– Я не знаю, – со слезами в голосе отвечала пострадавшая от психологической травмы подруга, – я испугалась и хоте-

ла убежать в аудиторию вместе со шваброй, но когда оглянулась, увидела, что ташу за собой крысу.

– Ну бросили бы эту швабру и убежали.

– Я боялась, что тогда крыса бросится на меня, а шваброй всё-таки можно обороняться.

– Чего ж ты не оборонялась, а орала, как резаная? – спросила еле пришедшая в себя секретарша, – даже я испугалась, думала крыса и правда на тебя напала.

– А вы, Иванова, чего такую панику навели, – обратился ко мне декан, – вон Калерия Львовна, – он показал рукой на секретаршу, – чуть на больничный сегодня не ушла.

– Ничего себе, – осмелела я, – у них крысы-вампиры по коридорам бегают, а мы виноваты. Вот представьте, Валерий Сергеич, если бы вы остались в корпусе один, вышли бы из деканата, а за вами по коридору побежала бы крыса и вцепилась бы... – я на секунду замолчала, придумывая, куда бы ей вцепиться, а поскольку декан все время ходил с портфелем, сказала, – и вцепилась бы в ваш портфель и полезла бы по нему.

Для пущей убедительности я попыталась изобразить, как эта мерзкая крыса поползла по портфелю декана. Видимо, выглядело это достаточно убедительно, потому что Валерий Сергеич содрогнулся и быстренько выпроводил нас из деканата.

Лаборантам вивария объявили выговор и в коридоре вывесили приказ об усилении контроля за опытными животны-

ми. На этом история с крысой-вампиришей практически забылась, если не считать того, что в туалет на нашем этаже мы больше не ходили.

Да и к сознанию того, что у нас в подвале целый крысиный зоопарк мы тоже как-то привыкли. Больше того, оказалось, что при необходимости прогулять семинар некоторые студенты и даже студентки прятались не где-нибудь, а в вариации, подружившись с одним из лаборантов.

Наступило время Студенческой весны. Мы готовили концерт, где под аккомпанемент нашего активного Бори — гитариста должны были исполнять несколько песен. Ансамбль из пяти девчонок, репетируя, голосил так мощно, что тормозил учебный процесс на всём факультете. Актового зала в корпусе не было, и сообразительный Боря предложил:

– Девчата, я знаю, где нас никто не услышит, кроме...

Он осёкся на самом важном слове, которое даже произнести при нас опасался, вспомнив нашумевшую историю с крысой-вампиришей.

– Ни за что! – сразу заорала Ольга, ещё не услышав координаты тихого места.

– Слушай, чего ты боишься? Девчонки, ну правда, звери в клетках, возмущаться шумом не будут, – ещё пытался шутить Борька.

Смелая староста Галина вдруг поддержала его:

– А что? Это вариант. Крыс там теперь немного поменьше, их уже переводят в биологический корпус.

– А ты откуда знаешь? – уточнила я.

– Да я там недавно была по случаю, – отговорила Галка.

– Понятно, по какому случаю, – подумала я, – небось, к семинару по истории не подготовилась.

– Там же дышать нечем. Как мы петь будем? – спросила «падавшая в обморок» на первой экскурсии в виварий Алла.

– Девочки, мы возьмём с собой допинг, – заверил нас неугомонный Борис, – а на стрёме поставим Веньку Пирогова.

Трепеща всеми фибрами души, мы спустились в подвал. Крысы и правда было чуть-чуть поменьше, но они точно так же пялились на нас своими красными глазами и свешивали отовсюду длинные голые хвосты.

– Нет, это невозможно, – заорала Ольга и рванула было к выходу, но стоявший на стрёме Пирогов быстро вытащил из кармана бутылку плодово-ягодного вина местного разлива, которое называлось «Черноплодная рябина», а Борька тут же запел на мотив песни «Чернобровая дивчина»:

Черноплодная рябина,

Моя светлая кручина.

У меня на сердце рана,

Я налью вам полстакана.

Венька налил густое тёмное вино, похожее на компот, в пластиковый стаканчик и скомандовал Ольге:

– Пей, легче будет!

Та от неожиданности тяпнула эти самые полстакана и за-

молчала.

– Девочки, последуем примеру подружки, – обрадовался Борис и стал выдавать всем пластиковые стаканы.

Все проглотили свою порцию отвратительной черноплодки и стали прикидывать, где бы расположиться подальше от клеток, чтобы петь, не видя эти ужасные морды. Однако, единственный стол со стульями стоял как раз посредине вивария, хорошо хоть не совсем вплотную к клеткам.

Мы уселись на стулья, осторожно оглядываясь, не тянутся ли к нам лапки ненавистных созданий. Боря начал наигрывать наш постоянный репертуар, и крысы притихли, как будто прислушиваясь. Мы задушенными голосами затянули «Надежду – наш компас земной».

– Нет, так не пойдёт! Допинга маловато, – констатировал Боря, – Венька, сбегай в ларёк за углом, принеси ещё чего-нибудь.

Пирогова уговаривать не пришлось, за возбуждающим средством он готов был бежать куда угодно и когда угодно. Борис всыпал ему в горсть кучу мелочи из кармана и закрыл за ним дверь. Не успели мы пропеть про «Наш адрес – Советский Союз», как Пировов вернулся почему-то с портфелем. Из карманов своего единственного светло-серого пиджака он стал вываливать на стол куски жареной курицы и жирные беляши без пакетов и даже не обёрнутые бумагой.

– Ты что, крысы же услышат запах и разозлятся, – застонала Ольга.

– И вообще чего это ты всё вывалил на грязный стол? – сделала разумное замечание староста, подкладывая под курицу тетрадь по философии.

– Венька, а пиджак-то не испортил, – пропищала ещё одна наша самая тихая подруга Ирка.

– Да ну вас, девки, вы лучше спросите, как я бежал от дедана, – заржал Венька.

А Борька возмутился:

– Ты нам зубы не заговаривай. Бежал, значит убежал. А где главное, Пирогов?

– Главное я берёг, как зеницу ока, поэтому и заныкал в надёжном месте.

Он открыл портфель и вытянул из его недр засунутые под тетрадки две бутылки ещё одного произведения местных виноделов под названием «Солнцедар». Боря тут же радостно сымпровизировал на гитаре «Червону руту» и запел:

Ты признайся мне,

Зачем рубль украла?

Я весь месяц копил

На стакан «Солнцедара».

Потом мы дружно квакнули культовый «Солнцедар» и запели с несколько большим воодушевлением, не рискуя закусывать брошенными на стол вивария беляшами, которые с аппетитом уминал вечно голодный обитатель общежития Веня Пирогов. Сидящие вокруг крысы внимательно слушали наш концерт, и нам было уже почти приятно, что у нас

есть первые слушатели.

Появившийся лаборант сказал, что пора закругляться, ему, мол, надо запирать виварий. Тогда Боря предложил:

– Ну, напоследок. «За того парня». Песня исполняется стоя.

И мы дружно встали и, слегка покачиваясь от принятого допинга, под аккомпанемент Борькиной гитары торжественно, со слезой в голосе и на глазах, исполнили песню от начала до конца, трижды повторив припев.

С крысами мы прощались почти по-дружески, как с благодарными зрителями. Они уже не казались нам такими мерзкими. Жаль, что не умели аплодировать, нам казалось, что пели мы очень хорошо.

Патриотический концерт

Однажды кому-то из нас, студентов-филологов, где в группе на двадцать девчонок всего пять парней, пришла в голову безумная идея – создать концертную агитбригаду и колесить со своими стихами и песнями по просторам нашей очень небольшой республики.

Шли семидесятые годы, время, когда студенческие движения росли и ширились: стройотряды, слёты бардовской песни, молодёжные клубы. Нас, девиц первых курсов истфила, в стройотряд не брали и, если честно, месить глину, таскать кирпичи и строить коровники, которые в будущем всё равно развалились, желания у нас не было. А приобщиться к каким-то творческим молодёжным инициативам, которые тут и там возникали в нашем городе, хотелось.

Почему собственно агитбригада? Да просто потому, что мы считали себя творческими людьми. Во-первых, кто-то мог бы прочесть стихи собственного сочинения, некоторые могли петь, кое-кто из парней брэнчал на гитар. Правда, если сочинять какие-то вирши могли уже многие из нас, но выходить с ними на публику всё же стеснялись. Разве что чем-то похожий на Есенина соломенной, вечно нечёсаной головой да серым костюмом-тройкой, как на есенинских фото, Венька Пирогов с подвыванием и заиканием безостановочно читал что-то а ля есенинское собственного сочинения про ху-

лиганство и пьянство, о которых знал не понаслышке. Петь в нашей группе, честно говоря, тоже умели не многие. Сценария с агитками да и того, за что агитировать, у нас не было.

Зато был виртуоз-гитарист, заводной и упрямый Боря Яблонский, который одним из первых вдохновился идеей агитбригады и стал активно продвигать её в массы. Он сбегал в обком комсомола и рассказал о нашей затее. Затею в целом одобрили. Особенно понравилось, что агитбригада будет не сборная, а состоящая из одной студенческой группы. Обещали даже благодарность ректору, если выступим удачно. Правда, отсутствие агитационной программы смутило комсомольское руководство.

– Ну, может, вы что-то организуете в защиту мира, против войны. Это всегда очень актуально. Или попытаетесь в стихах показать противоречие между капитализмом и социализмом. И вообще пора уже, пора и нашему, как говорится, студенчеству разоблачать мировую закулису, – пересказывал нам свой разговор Борис.

– В будущем мы, конечно, обязательно разоблачим эту закулису, – деликатно пообещал Боря, – а пока, может быть, мы можем организовать сборный концерт в какой-то отдалённой деревне.

– Вот насчёт отдалённой деревни это ты правильно сказал, – воодушевился комсомольский вожак, – отдалённых деревень, где нет Домов культуры, у нас ещё предостаточно. Там артисты бывают редко.

Он ещё немного подумал, поморщив лоб, а потом высказал обязательные условия:

– Концерт должен быть патриотическим. Стихи о Родине и партии, песни на темы комсомольских строек и обязательно народное творчество.

– А что вы имеете в виду под народным творчеством? – уточнил Борис.

– Ну, скажем, танцы разных народов, а не какие-нибудь кривляния. А если эстрада, то в конце пара песен желательны советских композиторов. Программу составите подробно и принесёте на утверждение.

Целый день мы сидели и придумывали программу патриотического концерта. Первым номером поставили меня со стихами о Ленине, обозначив в программе как лауреата республиканского конкурса чтецов, потому что я рассказывала, что однажды заняла с этим стихотворением второе место на каком-то школьном фестивале, а потом ещё пару раз выступала с ним на концерте.

– Может, напишем лауреат Всесоюзного или хотя бы Всероссийского конкурса, – предложил Борис.

– Ты что, с ума сошёл? Тогда уж сразу пиши Международного. А если проверят, виноват будешь ты, – возмутилась я.

– Ладно, – милостиво согласился Борис, – патриотика есть. Песню про БАМ вы споёте втроем под гитару. А как быть с народным творчеством?

– Стихи Веньки Пирогова под народное творчество не потянут? – спросила староста Галина.

– Вставим их, конечно, но с большой натяжкой. Надо что-то ещё.

Староста Галина Смольникова была не только энергичной и настойчивой девушкой, но не менее сообразительной, чем наш Борис.

– В агитбригаду хотят все, а делать ничего не умеют, вот они и займутся народным творчеством, – уверенно заявила она.

– И что это будет, народный хор что ли организуем? Вряд ли они споют что-нибудь путное. Хотя, если нет ничего другого, можно попробовать, – почесав затылок, чуть было не согласился Борис.

– Нет, это будет танцевальный коллектив, – торжественно провозгласила Галка.

Все на минуту замерли, раскрыв рты. Лично я наших девчонок даже лучше представляла в народном хоре, чем в танцевальном коллективе.

– Как ты себе это представляешь? – наконец отмер Борька.

– Это будет танец «Берёзка». Там нет ничего сложного – ходи себе хороводом. Я в школе занималась в танцевальном кружке, так что мы с девицами быстренько разучим, а ты нам подыграешь.

– Народные танцы надо сопровождать народным инструментом, например, гармошкой. А как я тебе на гитаре «Бе-

рёзку» подыграю? – обалдел Борька.

– А не знаешь, никто из парней у нас на гармошке не играет? – всё ещё надеялась Галина.

– Ну может, там пианино есть, – пропищала тихая Ирка.

– Ну может, ещё и оркестр народных инструментов, – съязвил Боря, – да нет там ничего, мне же ясно сказали, что это отдалённая деревня, где даже нет нормального Дома культуры, только какой-то задрипанный клуб.

– Ничего страшного, тем более зрители нас поймут, будем танцевать и петь акапелла «Во поле берёзка стояла». Ещё лучше получится, – решила Галина.

– Класс! Супер! Здорово придумала! – заорал Борька, – так и запишем – ансамбль народного танца «Берёзка». Нет, берёзка уже было, напишем «Белая берёза».

– Боже мой! Какой ансамбль? Галка, ты уверена, что вы сумеете изобразить эту самую берёзку? У нас там среди оставшихся девушек основная часть из села и похожи многие скорее на дубки, чем на берёзки, – снова засомневалась я.

– Ничего. У меня в костюмерном цехе театра есть знакомые, попрошу дать на вечер какие-нибудь длинные сарафаны, – заявил Борис, – девок построим по росту, и все будут стройными берёзками. И вот ещё чего – пусть они веток берёзовых наломают и в воду поставят, может, к концерту листочки распустятся.

– Правильно, это ты хорошо придумал, – похвалила его Галина.

– А на финал у нас будет убойная эстрадно-патриотическая композиция «Гуантанамера», что в переводе с кубинского вообще-то означает примерно «А ну-ка, девушки», но в деревне вряд ли знают кубинский, поэтому в переводе это будет звучать так: « Мы за мир!»

Программу нашего патриотического концерта утвердили, и как-то зимним морозным вечером к ступенькам истфила подкатил обшарпанный автобус. Мы со своим реквизитом – сарафанами, ветками берёз, шляпами сомбреро и кое-какими инструментами в виде гитар и бубнов – покатали завоёвывать просторы родной республики.

Просторы были невелики, состояли в основном из заледеленых лесов, полей и рек с редкими вкраплениями сёл и деревень. Пересекались просторы отвратительными, полужаметёнными дорогами, а учитывая, что отправили нас в какую-то самую отдалённую точку мира, где нога артистов, наверное, сроду не ступала, ехать пришлось довольно долго.

Иногда у меня мелькала страшная мысль, что если развалюха-автобус вдруг не дай бог сломается или забуксует в этих снегах, нас ожидает неминуемая смерть от мороза, потому как выбраться самостоятельно из этой глуши мы просто не сумеем. Впрочем замерзать мы стали уже в автобусе. Он то ли вообще не отапливался, то ли его отопления не хватало на весь салон, а только на кабину водителя, потому что он был бодр и весел и время от времени отпускал в наш адрес

идиотские шуточки, вроде пресловутого – тепло ль вам, девицы, тепло ль, красавицы?

Наш вечный спаситель практичный Боря сознался, что подозревал о возможности такой ситуации и взял с собой несколько бутылок водки. Винцо юные филологини попивали, но водку – мерзкое мужицкое зелье, многие даже не нюхали. Но не помирать же от мороза на пути к предстоящему успеху на подмостках отдалённой деревни. Все сделали по глотку и с песнями о БАМе, а так же о том, что «вся жизнь впереди, надейся и жди», доехали, наконец, до какого-то заметённого по крыши снегом населённого пункта.

Нас высадили возле так называемого клуба. У входа горел фонарь, кажется, единственный на всю деревню, а на двери сарая, который именовался клубом, висела написанная плакатным пером афиша о выступлении студенческой агитбригады «Парус» (откуда взялось это название?) со своей патриотической программой «Мы за мир!» с участием лауреатов конкурсов песни, танцевальных коллективов и ВИА «Звёзды».

Увидев сие произведение рекламно-агитационного жанра, мы дружно замерли на месте, читая, а потом чуть хором не упали от смеха прямо на кособокие ступеньки крыльца. Кто всё это придумал, так и осталось неясным.

Самое интересное, что нас никто не встречал, но афиша висела, водитель автобуса сказал – здесь, и мы поволокли по ступенькам своё добро.

Клуб представлял из себя длинное помещение, вроде сарая с рядами скамеек, небольшим возвышением помоста как бы сцены и с огромной железной печью, которая уходила чёрными круглыми боками прямо под потолок. Печь топилась, и из-за закрытой дверцы были видны красные огненные всполохи. На фоне плохо освещённого зала они выглядели буквально лучами света в тёмном царстве.

Сзади сцены имелась ещё одна комнатка, видимо, для артистов, куда одним боком выходила печь, но особого тепла она не давала, так что разоблачаться мы не спешили. А в зале потихоньку начали собираться люди. На первые ряды уселись бабульки и дети, за ними стали появляться тётеньки, некоторые с ребятишками на руках, несколько дядек в тулупах. Молодёжи практически не было. Но до начала концерта ещё оставалось время.

– Девочки, надо сходить в туалет, потом некогда будет. Пойдёмте вместе, – запросилась самая мелкая по росту Танька.

– Тут его ещё найти надо, – резонно заметила староста Галина.

В клубе-сарая туалета, естественно, не было, и мы небольшой толпой вышли на крыльцо. Спросили у какой-то замотанной в платок тёти, где здесь туалет.

– Уборная-то? Да вон там за углом, с заднего двора. Только вы туда не ходите, там темно и двери нет. Лучше идите прямо за клуб, – направила она нас верной рукой.

– Как это? – пропищала Танька.

– Ну как хотите, только не провалитесь, держитесь друг за дружку, – научила тётя и побежала в клуб.

В надежде отыскать подходящий для наших нужд домик мы потащились через непролазные сугробы на задний двор. Мы никуда не провалились только потому, что увидев эту занесённую снегом будочку без дверей и не обнаружив к ней никакой тропки, дружно уселись возле стены клуба прямо в сугроб.

– Ой, девочки, только не застудитесь, мороз-то какой, – сдавленным голосом уговаривала нас староста, как будто от нас в этой ситуации что-то зависело, – давайте быстрее.

Да все и так чувствовали, что долго сидеть на морозе с голой попой себе дороже.

Когда мы вернулись в клуб, к нашему удивлению, зал был полон. Стояли духота и холод одновременно. Печка не спасала.

– На сцену выходим без пальто, – муштровал нас Борька.

– Так холодно же, – стонали мы, – вон изо рта пар идёт.

– Может, надышат, – понадеялся кто-то.

– Чтобы не простудиться, каждому, кто приходит со сцены, будем наливать стаканчик для сугрева, – распорядился Борис. – Ну что, поехали?

В нашем концерте имелся свой, шикарный, по общему мнению, конферансье. Мы уговорили поехать в свой первый

тур старшекурсника, который вёл в универе все концерты, обладая поразительным басом. Из-за низкого красивого голоса его прозвали Левитаном. Он сам так уверовал в это, что порой даже представлялся при знакомстве: Георгий – местный Левитан.

Мой номер был первым, и я стояла на стрёме, слушая начало концерта в исполнении нашего Левитана. А тот, видимо, для того, чтобы раскачать публику, решил начать с анекдота. Анекдот показался мне странным. Выглядел он, именно выглядел, следующим образом. Левитан стоит на сцене, щёлкает пальцами, как в танце, поворачиваясь в разные стороны, и говорит:

– Вот стою я на Красной площади. Подходит ко мне мужик и спрашивает – чего это ты делаешь? (А сам продолжает щёлкать пальцами). Я ему отвечаю – крокодилов шукаю. Мужик мне говорит – тут же нет крокодилов. А я ему – вот потому и нет, что я их шукаю.

– Что за странный анекдот для начала патриотического концерта, – подумала я. И вообще, почему шукаю, а не шугаю? Что он хотел этим сказать – он их там искал или гонял, этих крокодилов на Красной площади? А из патриотического здесь, видимо, только слово Красная площадь? Или я чего-то не понимаю.

Зал, видимо, тоже ничего не понял и отреагировал реденькими, осторожными хлопками. А я за лингвистическими рассуждениями о шукаю и шугаю даже забыла, что мне

сейчас на сцену. И вдруг слышу:

– А сейчас перед вами выступит лауреат Всесоюзных конкурсов чтецов Вероника Иванова.

– Так я и знала, – только и успела подумать я, когда меня уже вытолкнули на сцену.

После анекдота о крокодилах надо было спасти положение настоящим патриотизмом, а заодно хоть как-то оправдать присвоенное мне Левитаном звание лауреата Всесоюзных конкурсов. Я, используя всё своё актёрское мастерство, полученное на практикумах по выразительному чтению в университете, начала читать негромко, чтобы привлечь к себе внимание, а потом, повышая голос, начала вкладывать в него всю свою силу и финал и так пафосного стихотворения проорала со всей мощью, на которую была способна. В зале похлопали.

– Ну и ладно, отстрелялась, – вздохнула я с облегчением, замахнув свою долю мерзкого, но необходимого согревающего.

Потом девчонки пели про БАМ и Надежду, потом Борис пел сам, аккомпанируя на гитаре. Но самые бурные аплодисменты выпали на долю нашего Пирогова – Есенина.

Он вышел на сцену шатаясь. Видимо, для сугреву захватил с собой собственное «лекарство». Голова его, как всегда, была нечесаной и лохматой. В универе мы кое-как объяснили ему, что наш концерт патриотический, и ему надо среди своих стихов найти что-нибудь о природе родного края,

о берёзках и лесочках. Но поскольку на сцену Венька вышел под очень хорошим воздействием согревающего, он, кажется, позабыл обо всём на свете и завёл своё любимое:

Я одного с Есениным рода,
Погулять и выпить не прочь,
Я плоть своего народа,
Мне плевать, что пью день и ночь...

Уже первые строчки его дребедени, к нашему всеобщему изумлению, вызвали такой восторг публики, что она разразилась аплодисментами, содрогающими стены сарая. Венька ещё довольно долго бегал по сцене от края до края, размахивая руками, и выкрикивал пьяным голосом свои вирши, и в конце концов, кажется, надоел «своему народу», внимание которого его так вдохновило. Пришлось Левитану чуть не за шиворот, как бы обнимая, выволакивать его в нашу комнатушку, где окрылённый успехом Пирогов еще долго приставал ко всем с предложением ещё что-нибудь почитать, пока не уснул в обнимку с печкой.

Наконец, Левитан объявил выступление народного ансамбля песни и пляски. Ансамбль, уже изрядно наклюкавшийся из-за пробирающего насквозь холода, даже согласился на то, что он не только «пляски, но и песни», и затащил свою «Берёзку».

Пианино в клубе, конечно, не было, подключить привезённую «Ямаху» тоже не было возможности, значит и водить хороводы девицам предстояло под своё собственное

акапелльное пение. Хорошо, что этот вариант был предусмотрен.

Выучить какие-то сложные па у ансамбля не было времени, и танец собственно заключался в том, что наши штук десять девчонок в сарафанах до пола, с ветками в руках должны были бродить по сцене, то соединяясь в кружок, то расползаясь длинной цепью, взявшись за руки. Отсоединяться друг от друга они боялись, чтобы не упасть, запутавшись в сарафанах. Возглавляла шествие староста Галина.

Она успешно вывела на сцену первую тройку танцовщиц, а дальше наступило какое-то замешательство. Дело в том, что на помост вели три ступеньки. Девушки стояли по росту. Впереди – высокие и довольно стройные, сзади те, что пониже и покоренастей. Сарафаны подшить не успели. Так что ступеньки для неуклюжих в длинных юбках девчонок, слегка подогретых водкой, оказались как Альпы для суворовского войска. Кто-то один споткнулся, и весь хоровод дружно завалился, кто на сцену, а кто по ступенькам прямо под ноги зрителям.

В зале засмеялись. Старушки с первых рядов поднимали и отряхивали народных танцовщиц, которые кое-как всё же выстроились в шеренгу и с завыванием «Во поле берёзка стояла...» поползли по сцене. Зрители с сочувствием смотрели на получивших лёгкие травмы артисток, допевших свою «Берёзку» жалостливыми голосами и проводили их понимающими хлопками.

Близился финал. Перед композицией «Гуантанамера», что в переводе «Мы за мир», как объявил Левитан, он предупредил, что в ходе выступления в зале будет погашен свет, и это не должно пугать зрителей, в связи с тем, что всё предусмотрено номером.

Поскольку ни «Ямахи», ни электрогитар у нас не было, мы решили взять публику экстравагантностью. Борис и Пётр Сидоров напялили на себя какие-то выпрошенные в театре вместе с сарафанами сомбреро, на шеи завязали цветные косынки. Мы, несколько девиц, обвязали себя узорчатыми платками, а в руки вместо маракасов нам дали простые детские бубны. Все были больше похожи на цыган, чем на кубинцев, которых здесь всё равно в помине не видели. Таким вот цыганским табором мы и предстали перед публикой.

Слов песни, кроме припева, никто не знал, но никого это и не смущало. Наш Боря при необходимости мог изобразить любой язык. Когда он под гитару запел какую-то тарабарщину, а мы в такт завихляли бёдрами в разноцветных платках, зал притих. А когда начался припев, и мы все хором грянули «Гуантанамера!», в зале выключили тусклый свет и девчонки из-за печки стали играть двумя фотовспышками, которые сверкали в темноте, как пули у виска, это произвело такой фурор в народе, что мы, вдохновлённые овацией, проорали свою «Гуантанамеру» ещё пару раз.

Когда свет в зале включили, зрители, даже старые бабули, кричали, свистели и хлопали нам так, как, наверное, привет-

ствуют артистов в лучших залах мира.

Это был успех! Когда мы выходили из клуба со своим реквизитом, народ выстроился коридором и сопровождал нас до автобуса.

Мы ехали с концерта по тёмной, полужанесённой дороге, боясь застрять. Стояла зимняя ночь. Было холодно. Мы допили остатки водки. Орала охрипшими голосами, « что вся жизнь впереди», а когда чуть-чуть замолкли, кто-то сказал:

– Эх, жалко, клуб маловат. Боря, в следующий раз найди нам зал побольше.

Подушка

– Девочки, – начал строгим голосом преподаватель фольклора Виктор Петрович Сорин, почему-то игнорируя мужскую часть нашей группы, правда, в мизерном количестве из пяти человек. – Мы с вами едем на первую практику, – продолжал Сорин, – в научную экспедицию.

Слова звучали внушительно и солидно. Одно дело – практика, совсем другое – научная экспедиция. Неужели то, что мы будем собирать старинные песни, прибаутки и страшилки, может пригодиться науке? Что-то не верилось. Между тем, профессор сообщил нам подробности:

– Место нашей дислокации – городок Приволжск. Все вы его знаете, это старинный русский город, где живёт много пожилых людей, которые помнят древние песни, былички, обряды, сказки, что рассказывали им их родители, дедушки и бабушки.

Не смотря на всю серьёзность предстоящего, девочки, а вместе с ними и пять мальчиков взирали на педагога хоть и с видимым вниманием, но и с радостью, предчувствуя свободу от лекций и семинаров, от родительской опеки, настраиваясь на совместный отдых и вообще заранее веселясь от того, что на берегу Волги их ждут помимо фольклорных изысканий солнце, воздух и вода, которые, как известно, наши лучшие друзья.

Но, по мнению руководителя, ждали нас в Приволжске совсем не эти приятные вещи, а совсем даже наоборот, мы ехали навстречу опасностям, которые он начал описывать нам ещё более построжавшим голосом:

– Как вы знаете, Приволжск – курортный город. Туда приезжает очень много людей на отдых, туристов. И вместе с ними прибывают всевозможные ... – он сделал паузу, подыскивая слово, и наконец выговорил, – бандиты.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.